

ДИЕЗ

* * *

Глухо падает семя. Пустой человек,
наблюдая привычно свои огороды,
не заметит смещения света на век
и сгущения звука во впадинах дек,
и струения страха в извилинах рек,
повторяющих вяло извивы природы.

Эта музыка в теле – в прибытке и в воле –
в силе счёт по складам довести до дести.
Но глагол, будто облак, бесчувственный к боли,
неспособен рассеянный облик нести.

Тихо падает время. Глухой человек,
в столбняке наблюдая клубничныя битвы,
из струящихся дек, из вертящихся рек
извлекает тяжёлые звенья молитвы.

1 янв. 2002

* * *

Ужели музыка права,
калеча походя мембраны,
загромождавая снedyю странной
(где различаются дрова

скрипичных, хворост тростевых),
всем этим топливом, созвучным
барочным вензелям и сучьям,
евстахьевы пещеры. Тих

клавичембáл, фагот неярк,
а зычен матерный баян.
Куплеты пахарей, доярок,
в хмельной смыкаясь акиян,

впрягаются в оглобли, плуги
влача по сорным пустырям.
Туги чепрачные подпруги,
и хлыст припадошный упрям!

Здоров и честен зов навоза
в ошмётах давешних сонат.
Нежна и тёрпка наша роза –
парфюм, низложенный в салат.

17 февраля 2003

* * *

И вот я перевёлся на Руси.
Взлетел – и нет. Лишь только пятки босы
сверкнули. Только (Господи, спаси!)

вот-вот закусит ротор на оси,
и мой мотор с возвышенного си
всей массой канет в ступор безголосый.

И вот тогда – звенеть в голубизне
останутся лишь ласточки одне.
Одне оне.
Да ангелы белёсы.

21 февраля 2002

* * *

Исай Абрамыч Гуркентопф,
из Малороссии приехав,
расскажет нам про Конотоп,
где резонанс его успехов
доселе ранит сонмы душ
конотопчанок безутешных,
которым был он свет и муж...

Конешно, – скажем мы, – *конешно*...

Семён Семёныч Блюменколь
приехал из Биробиджана.
И он, избрав иную роль,
не вспомнит путного романа.
Но он готов открыть секрет
изобретённой им взбивалки
для туч. (Вот жаль – патента нет...)

Как жалко, – скажем мы, – *как жалко*...

Лишь я, приехав из Москвы,
багаж имею самый скудный.
Чем мне-то хвастаться, увы,
в тупой бездарности подспудной?
И впрямь я духом слабоват.
Вотще я морщу лоб свой бледный,
и, глядя в зеркала квадрат,

всё повторяю,

– *бедный, бедный...*

6 февраля 2002

* * *

В пряничном домике, где продаются
недорогие летучие блюдца,
звёздная пудра, спирали галактик,
может найти незадумчивый практик

мятную радость в отдельной коробке,
сдобный мотив про маньчжурские сопки,
вялый пергамент со знаком надежды...
Тише, мой друг! Не слышали б невежды –

грубый философ да злой теоретик,
чтущие степень, бегущие этик
принципов стройных, лихие рассказы!
Пряничный домик – чумнее проказы

для погружённого в сумрак нейрона.
Редкостный умник пройдёт без урона
мимо соблазна рефлексов открытых.
Пусть уж сидят при разбитых корытах

злой теоретик да хмурый философ,
не разрешая сермяжных вопросов.
Практик же лёгкий из лавочки сладкой
выйдет, блистая посконной повадкой.

Выйдет, колыша титановы мышцы
(вот вам модель, господа живописцы!).
Вывесит в город за хвостик простецкий
пару вселенных для радости детской.

27 декабря 2002

* * *

Приснилось мне... да не приснилось...
(*неужто было наяву?*),
что я в сарай кидаю силос,
поскольку якобы живу

в деревне где-то под Рязанью
(*а я там сроду не бывал*).
Что вот рассветной влажной ранью
залажу я на сеновал...

(*Ведь сплошь и рядом поражаюсь –
какая снится ерунда!..*)

Но чем я в сене занимаюсь –
не ваше дело, господи!

4 мая 2002

* * *

Работа над стихом? Да нет – игра в слова.
Сложение из них лабазов и скворешен.
О чём ещё гудит ночами голова?
А днём о чём? К грамматике привешен
закостеневший в правилах глагол
и жжётся с неких пор не слишком интенсивно.
И двигается стих, как двигается вол,
как будто двигаться неловко и противно
по вязкой колее родного языка
(родного ли – уже? чужого ли – пока?)

21 января 2002

* * *

Назидательный звон среднерусских осин,
ностальгических кухонь густой керосин,
заземлённая аура чутких полей,
неизбывных церквей заунывный елей,

шепелявый псалом с перекосом на О,
альдегид в пузыре да в углу помело...
Помело по Руси, покатило шаром.
Ой вы, гои, еси... Из кремлёвских хором

выползая в природу, что зрите окрест?
Поп Россию не выдаст, чиновник не съест.
Не отторгнет сивуху слепой чернозём.
Кто там скачет козлом? Кто там бродит ферзём?

Кто там правит веслом, чтоб фарватер святой
не похерить во мгле... Ой ты... Ай ты... стой!
Дай народу на берег тревожный сойти.
Чтоб надежда забрезжила – мать ети!

18 октября 2002

ДИЕЗ

И хор был так себе, и регент – идиот –
пускал в замену плотному минору
пустой мажор. Скользя меж зыбких нот,
сопрано вёрткие карабкались на гору

огромной квинты. Грузные басы,
набычив шеи, хрюкали октавой.

Цедя словесный творог сквозь усы,
весь круг певцов, подобно многоглавой

громоздкой гидре, колыхался в такт
опасно накрёпленному канону.
Увы, наш опыт – божий артефакт.
Наш ареал, преображённый в зону,

в террариум, в общепланетный зо-
осад, не выдержал приматова нахрапа.
Нам свет – оскомина. Нам родина – шизо.
Прощайтесь, граждане, гудящие у трапа

в летальный космос. Кто их разберёт,
фортуны бешеной развёрнутые строки...
На взлёт ли мы пойдём, или под лёд,
едва на спину рухнет кособокий

канон церковный? Это ли печаль,
когда диез выклёвывает печень...
Кольцо планет нам вечно обручаль-
но. Каждый путь – исконно поперечен.

25 декабря 2002

* * *

Пропев полвека под кустом
как разновидность Божьей дичи,
я между нимбом и хвостом
не вижу значимых отличий.

Я весь – душой и телом тут –
хирею в гуще мысли нищей –
как кандидат на высший суд,
как претендент на карцер высший.

16 апреля 2002

РЕАЛИСТАМ

Вот я дошёл до края смысла,
до грани, за которой – бред;
где дымка алая повисла,
из-за которой ходу нет
обратно в мелкие просторы
самоосознанных стихов;
я различил за нею горы
звучаний стройных, и таков
я за завесой был бредовой,
найдя за нею образ новый,
неузнаваемый в стекле.

...Вот малый Я на помеле.
Вот Я большой – задрапирован
мантийным саваном – лежу
и, блеском чудным очарован,
на ваши игры не гляжу
из сумасшедшего прорыва,
в который вам заказан путь,
поскольку вязнет в правде грива,
и слишком затвердела грудь
в шаблонном контуре рассудка,

и не способны вы, как утка,
рассечь осмысленный камыш;
и не способны вы, как мышь
в шизофренную юркнуть щёлку;
и вы не можете наколку
благоразумия содрать
о рёбра острые припадка,
в котором чувственность так сладко
за горло тонкое берёт
(а это-то и значит – взлёт).

Вы стелетесь прогорклой массой,
в содружестве с больничной кассой
держась за мысленную твердь
(а это-то и значит – смерть).

6 апреля 2002

* * *

когда на каждом языке
создам я свой шедевр бессмертный
чтоб в знаке, звуке, и строке
свой стержень виделся инертный,
свой неопровержимый взрыв,
своё клеймо, свой строй особый,

и, мой весомый том открыв,
воскликнет критик твердолобый:
– гав-гав, кря-кря, кукареку!

я подойду, хвостом виляя,
и, взяв за горло негодяя,
тихонько прошепчу: – ку-ку!

10 марта 2002

* * *

центрист, зелёный, белый, красный,
подъячий, подданный, причастный,
француз, китаец, эфиоп,
подвижник, подпоручик, поп...

из вод, из нор, из гнёзд, из дупел
глядят окрест и видят жупел
моих безнравственных стихов.

я ж сочинил и был таков...

24 апреля 2002

* * *

чтоб чувству светлу быть и сыту
чтоб жить в любви да совете
утехою космополиту
звени гармонь на минарете

3 мая 2002

* * *

Только слово может достичь души,
проникая под все оболочки тела.
Но она – мерзавка – плевать хотела
на призывы – типа – не согреши,
не желай чужого – как тó: жены,
полотенца, кошки, собаки, тёщи...

Что ей слово? – мрак – особливо к ночи...

Вот и я – рассудок, мораль, штаны
регулярно роняю к босым ногам
неуёмной, пошлой, развязной страсти.
И библейским песням, стихам, слогам
внемлю лишь во сне, да и то – отчасти.

27 июля 2002

* * *

Пока фанфары не достигли слуха,
позволь себе блаженный оптимизм.
Чтоб кожный зуд, понос да золотуха,
построенный в боях социализм

и прочие постылые хворобы –
на задний двор, за кадр, в сливную слизь.
Чтоб стёрся в генах отголосок Кобы...
Да не успеть! Фанфары раздались...

17 сентября 2002